

Роль двора в архитектурной композиции мечети

Открытый двор (сахн) исторически является важнейшей частью композиции исламского молитвенного здания. Арабская дворовая мечеть стала основой для формирования основных региональных архитектурных типов — «иранской» (айванной) и «турецкой» (зально-купольной). В османском культовом зодчестве XV–XVIII веков именно двор явился отличительной особенностью мечетей, возводимых по султанскому заказу, что, однако, игнорируют существующие типологические исследования. В статье предлагается использовать соположение пространственных зон в качестве критерия архитектурной типологии мечети.

Ключевые слова: архитектурная композиция, типология, пространственные зоны, архитектура мечети, сахн, «большая османская мечеть», политическая риторика.

KONONENKO E. I.

THE ROLE OF THE COURTYARD IN THE MOSQUE ARCHITECTURAL COMPOSITION

The open courtyard (Sahn) has historically been an essential part of the composition of the Islamic prayer building. The Arab courtyard mosque became the basis for the formation of the main regional architectural types — the «Iranian» (iwan) and the «Turkish» (hall-domed) mosques. It was the courtyard that was a distinctive feature of mosques erected by the Sultan's order in Ottoman cult architecture of the XV–XVIII cent., which, however, remained ignored in existing typological studies. The article proposes to use the conjugation of spatial zones as a criterion for the architectural typology of a mosque.

Keywords: architectural composition, typology, spatial zones, mosque architecture, Sahn, «the Great Ottoman mosque», political rhetoric.

**Конonenко
Евгений
Иванович**

кандидат искусствоведения, зав. сектором искусства стран Азии и Африки Государственного института искусствознания, Москва, Российская Федерация

e-mail:
j_kononenko@inbox.ru

Введение

Одним из традиционных элементов архитектурной композиции мечети наряду с перекрытым молитвенным залом (араб. *зулла*) является ограниченный стенами или галереями двор (араб. *сахн*), также используемый как пространство для молитвы. Он не только топологически и метафорически связывается с осмыслением легендарных событий ранней истории ислама, но и воспринимается как отсылка «к проблеме соположения двух основополагающих состояний мироздания — Тьмы и Света» [12, 60–62]. При этом какая-либо символика архитектурных элементов мечети не определена исламскими источниками и существует на правах исследовательской интерпретации [4]; мечеть лишь предоставляет общине мусульман ритуально чистое и заранее ориентированное пространство, фиксированное начало направленного на Мекку «вектора ислама», ее архитектурное оформление определяется факторами, лежащими вне исламских доктрин и ритуальной практики [7, 95].

Существующие типологические построения, традиционно выделяющие «региональные модели» архитектуры мечети (арабскую, иранскую, турецкую и т. д.), основываются на рассмотрении лишь основного объема здания,

практически игнорируя наличие, расположение и размер двора [9, 11, 17], в то время как и прецедент мечети Пророка в Медине, и первые «нарисованные мечети» Ирака, и практика совершения праздничных молитв на открытом месте (*намазго*, *мусалла*) позволяют говорить о том, что «мечеть-пространство» первична по отношению к «мечети-зданию» [4, 120–123; 9, 55–56; 14, 4–7]. Включение двора в комплекс мусульманских культовых сооружений зачастую отражал статус патронажа и определял риторический посыл заказа, которые, как представляется, должны быть отражены в отдельных типологических таксонах [5, 8]. Это заставляет отдельно рассмотреть эволюцию *сахна* в архитектурной композиции мечети, критически оценить имеющуюся типологию и ее соответствие материалу и поставить вопрос о возможности и необходимости выделения двора как типологического критерия, особенно актуального для «разностильного» современного исламского зодчества [11, 393–399].

Типы «арабской» и «иранской» мечети

Сложившийся на арабских территориях тип мечети, восходящий к образцу дома Пророка в Медине, обычно определяют именно как «дворовый». Колонный молитвенный зал

(зулла) с плоским перекрытием, иногда с выделенной купольной михрабной ячейкой, зачастую значительно уступает площади *сахн*. Кроме того, климат Ближнего Востока позволяет не изолировать помещение для молитвы, и мечети первых веков ислама не имели преград (стен), отделяющих перекрытый зал от открытого двора, окружаемого галереями (*ревак*). По поводу двора дома Пророка, имевшего по двум сторонам навесы, О. Грабар отмечает: «Мы получили форму или по крайней мере зарождающуюся композицию форм, в которой большое открытое пространство имеет две крытые противоположащие зоны» [1, 135]. Важно отметить, что зоны, равно предназначенные для совершения молитвы, не были ни противопоставлены, ни разделены преградой и легко перетекали одна в другую.

Такая легкость перетекания пространств обусловила вольность и вариативность их планировочного соположения в ранних арабских мечетях, например:

- 1) *зулла* могла располагаться в ближайшей к Мекке части двора, занимая небольшую часть площади мечети (дворцовая мечеть в комплексе Хирбат аль-Мафджар, Иордания);
- 2) *зулла* и галереи *ревака* охватывают двор с трех сторон (Большая мечеть Тинмалья, Кулубия в Марракеше, Марокко; мечеть аль-Азхар, Каир, Египет) (Иллюстрация 1);

- 3) *зулла* и галереи *ревака*, имея равную или сопоставимую глубину, могли опоясывать *сахн*, превращая его в центр архитектурной композиции (мечеть Омара в Босре, Сирия; мечети Самарры, Ирак; мечеть Ибн Тулуна в Каире, Египет) (Иллюстрация 2).

Кроме того, большой молитвенный зал колонной мечети мог иметь нефное членение, ориентированное как перпендикулярно «вектору ислама» (мечеть Омейядов в Дамаске, Большая мечеть Алеппо, мечеть Харрана), так и вдоль «вектора ислама» (Сиди Укба в Кайруане, Тунис; расширенная Месquita в Кордове, Испания) [2, 130–135; 3, 30–33, 41–46].

В зависимости от задач типологических исследований эти варианты могут объединяться, дробиться, соподчиняться и т. д. В любом случае разнообразие архитектурных композиций демонстрирует важную роль двора в планировке арабских мечетей.

Тип дворовой мечети был перенесен и в Иран, о чем свидетельствуют наиболее ранние сохранившиеся памятники (например,

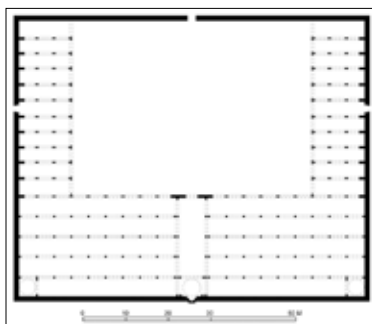

Иллюстрация 1. Мечеть Аль-Азхар, Каир. План. По [16]

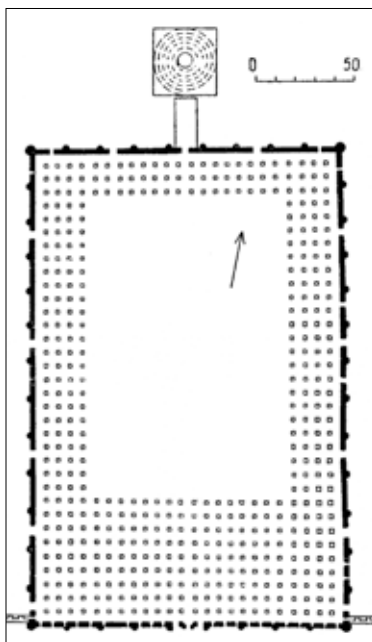

Иллюстрация 2. Мечеть аль-Мутаваккиля, Самарра, Ирак. План. По [16]

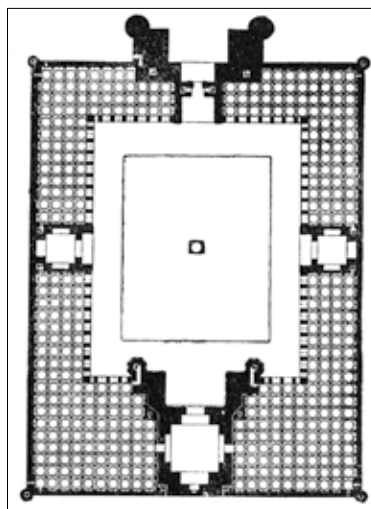

Иллюстрация 3. Мечеть Биби-ханым, Самарканд. План. По [16]

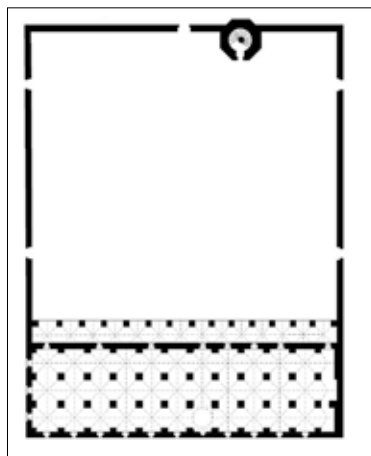

Иллюстрация 4. Большая мечеть (Улуджами), Урфа. План. По [3]

Тарик-хане в Дамгане) [10, 70; 16, 81–90]. При дополнении композиции культовых зданий айванами и формировании собственно «иранского типа мечети» двор сохранил свое центральное положение в композиции, заимствованной другими функциональными типами исламской архитектуры. «Айванная композиция была воспринята мусульманскими зодчими как парадигма, производные которой мы встречаем по всей территории распространения ислама», — отмечает автор [9, 66–67] (Иллюстрация 3).

Дополнение дворowych мечетей арабского типа айванами и формирование четырехайванной композиции в Иране совпали с объединением огромных территорий Центральной и Западной Азии в государство Великих Сельджуков. Тогда же — в конце XI–XII вв. — власть Халифата распространилась на Восточную Анатолию, куда благодаря архитектурному патронату сельджукских султанов

была перенесена сирийская (омейядская) модель дворовой мечети с поперечно-базиликальным залом, надолго закрепившаяся в культовом зодчестве династии Артукидов, владевшей Северной Месопотамией (мечети Диярбакыра, Мардина, Дунайсыра, Урфы) [3, 34–52, 66–85] (Иллюстрация 4).

Анатолийская мечеть: двор как световая ячейка

Более суровый климат горных районов Центральной и Восточной Анатолии уже в XII в. заставил архитекторов отказаться от двора как части пространства мечети: *зулла* из перекрытой части места молитвы превращалась в самостоятельный архитектурный объем, что повлекло за собой необходимость организации фасадов здания и его выделение в городской застройке. В больших городских мечетях анатолийских княжеств (Улуджами в Кайсери и Эрзеруме) *сахн* оказался сохранен, но перемещен в интерьер и превратился в све-

Иллюстрация 5. Мечеть Эшрефоглу, Бейшехир. Световая ячейка и ледник. Фото Е. И. Кононенко. 2013 г.

Иллюстрация 6. Мечеть Иса-бей, Сельчук. Фото Е. И. Кононенко. 2013 г.

товую ячейку в центральной части продольно-нефной базилики. Два необходимых композиционных элемента архитектуры мечети, в арабской типологии фиксировавшие метафору перехода из Света в Тень, перестали располагаться последовательно: Свет (*сахн*) уже не предвещал Тень (*зулла*), но окружался ею, становясь композиционным центром архитектурно оформленного пространства [3, 111]. Кроме того, акцентирование световой ячейкой не только центрального нефа, совпадающего с «вектором ислама» и направленного к михрабной нише, но и одной из травей, предопределило выделение поперечной оси здания, что вело к усложнению планировочной схемы и — из-за появления боковых проходов — вариативности движения в интерьере, почти исключенной в арабских дворовых мечетях.

Такая модель культовой постройки стала основой для создания в XIII в. модели «официальной сельджукской мечети» как части реализуемой султанами Сельджуков Рума программы унификации в области религии и культуры [18, 11; 19, 17]. Целый ряд мечетей, возводившихся в крупных городах Рума, как до, так и после монгольского нашествия (Алаеддин-джами в Нигде, Хуанд-хатун в Кайсери, Улу-джами в Дивриги и Байбурте, Эшрефоглу-джами в Бейшехире), имеют общую композицию. Это продольная нефная базилика с акцентированной купольной михрабной ячейкой, расширенным центральным нефом и колодцем-*сахном* в центральной части зала (позже многие световые ячейки были перекрыты куполами). То, что световая ячейка в интерьере «официальных сельджукских мечетей» является «наследницей» двора, ярко демонстрирует кирпичная Улуджами в Малатье (1224), где *сахн* образован четырьмя ячейками центрального нефа, воспроизводя планировку синхронных зданий «иранского типа» (мечети в Заваре и Верамине) [3, 135–171, 148–154, 227–245]. В ряде анатолийских мечетей *сахн* в интерьере использован для размещения бассейна для ритуального омовения (*şadırvan*)

или колодца-ледника (*karlık*), обеспечивавшего прохладу и влажность, необходимую для сохранения деревянных конструкций (Иллюстрация 5).

Схожий процесс «втягивания» двора и превращение его в световую ячейку наблюдается в композиции сельджукских медресе Коньи: заимствовав для планировки учебных заведений иранскую айванную планировку, анатолийские мастера в середине XIII в. заменили центральный двор, вокруг которого группировались учебные и жилые помещения, небольшим залом, перекрытым куполом с окулосом (конийские медресе Бюйюк Каратай и Индже минаре) [3, 206–216].

Вероятно, как результат выделения купольного зала и световой ячейки следует рассматривать развитие анатолийской мечети в течение раннеосманского периода (XIV — первая половина XV в.). За редкими исключениями (Иса-бей в Сельчуке, 1374; Улу-джами в Манисе, 1376) (Иллюстрация 6), культовые постройки в центрах тюркских княжеств лишены двора. Их зальное молитвенное пространство составлено из сводчатых или купольных ячеек, одна из которых является световым колодцем, а архитектурный объем дополняется фасадным портиком — *son cemaat yeri* («место последней общины»), где совершают молитву опоздавшие, которым не хватило места в небольшом помещении. Таким образом, портик, а при необходимости и открытая площадь перед мечетью успешно взяли на себя ритуальную функцию изолированного *сахна*.

Типология А. Курана и «Большая османская мечеть»

В историографии мусульманской архитектуры типологические исследования регионального материала являются редкостью, однако серьезная попытка создания типологии мечети предпринята применительно к османскому материалу. В 1968 г. А. Куран издал фундаментальную работу «Мечеть в раннеосманской архитектуре», в которой выделил три типа планировочных решений:

1) здание, композиция которого сводится к одной (или очевидно доминирующей) ячейке, как правило, перекрытой куполом; внутри этого типа выделены «мечеть с единым объемом» и «мечеть с разделенным интерьером»;

2) айванная мечеть — здание с выраженной центральной планировочной ячейкой, вокруг которой группируются другие ячейки (тут выделены подтипы «осевая айванная мечеть» и «айванная мечеть с пересекающимися осями»);

3) мечети, пространство которых состоит из нескольких объемов, среди которых выделены подтипы «с одинаковыми ячейками» и «с различными ячейками» [17, VIII, 27].

Турецкий исследователь положил в основу типологии архитектурную композицию, хотя примерно такой же результат следует из более распространенной классификации на основе «статуса» — небольшие квартальные молитвенные здания (*месджит*), дервишеские обители (*завие*), большие городские мечети (*улу-джами*) [9, 57; 11, 394–396]. Нетрудно заметить, что в понимании А. Курана композиция мечети сведена исключительно к молитвенному залу и прилегающим к нему помещениям, а структура интерьера оказалась единственным типологическим критерием. Наличие и место двора попросту проигнорированы: на основании лишь композиции зала А. Куран легко объединял в один тип здания с двором и без него.

Между тем опубликованная монография замышлялась автором как часть трехтомника, в который предпо-

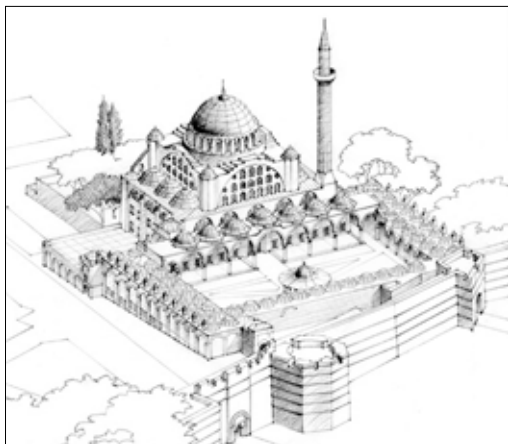

Иллюстрация 7. Мечеть Соколлу Мехмет-паша, Кадырга, Стамбул. Аксонометрия. Источник: <https://archnet.org>

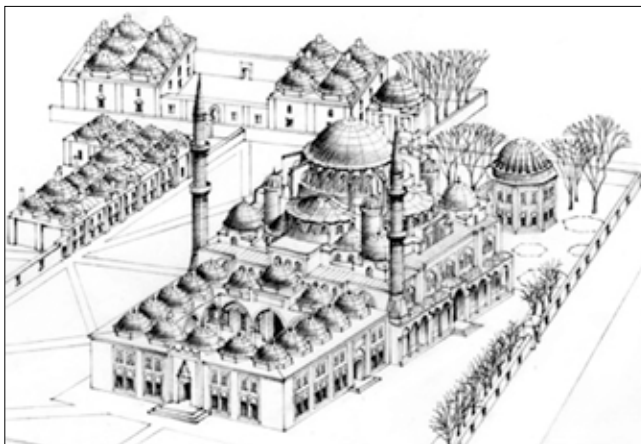

Иллюстрация 8. Мечеть Шехзаде, Стамбул. Аксонометрия. Источник: <https://archnet.org>

лагалось включить «классические» и «позднеосманские» (XVI–XVII вв. и XVII–XIX вв. соответственно) мечети. Как и насколько предложенная типология могла измениться в неизданном втором томе, можно только догадываться. Однако очевидно, что изложение материала «классического этапа» османского зодчества потребовало бы серьезной корректировки, вызванной, во-первых, исчезновением типа мечети-завие (айванной мечети) и, во-вторых, трансформацией *улу-джамии* в новый тип культового здания — «Большую османскую мечеть» («БОМ») [5, 93–110].

Этот тип, сложившийся в XVI в., представлен полутора десятками хрестоматийных сооружений, определивших панораму крупнейших городов империи. «БОМ» характеризуются общностью композиции, неперменной частью которой является окруженный галереями двор, во многих памятниках равный по площади молитвенному залу и имеющий продуманную систему осевых проходов. Более того, в некоторых сооружениях, заложенных по частному заказу высших чиновников и имитировавших архитектурные особенности «БОМ», отсутствие замкнутого двора перед основным купольным объемом являлось необходимым отличием от результатов прямого султанского патроната. Например, в стамбульских мечетях Михримак Султан у Эдирнских ворот (1563–1570) и Соколлу Мехмед-паша в Кадырга (1562) галереи, окружающие площадь перед входом в молитвенный зал, принадлежат не *реваку*, а П-образным зданиям медресе, замыкающим архитектурный ансамбль [15, 254–256, 281–282] (Иллюстрация 7).

Несмотря на очевидную важность двора для типологической принадлежности к «БОМ», в типологии А. Курана (если бы она была распространена на материал «классического периода») сооружения, полностью соответствующие этому типу, пришлось бы отнести к разным группам (как к «однообъемным», так и к «мультиобъемным»). За хронологическими границами раннеосманской архитектуры грань между выделенными типами стирается, и упомянутая Михримак-джами с семью перекрытыми куполами ячейками плана заканчивает развитие типа простейших «одночастных купольных мечетей», а Шехзаде-джами (1543–1548), открывающая новую главу в истории «БОМ», объявлена кульминацией типологического развития раннеосманской мечети [6, 56–58; 17, 198] (Иллюстрация 8).

Следует отметить, что необходимой типологической характеристикой «БОМ» явились парные минареты, фиксирующие именно углы двора — либо только внутренние (прилегающие к объему молитвенного зала), либо все четыре, акцентируя место двора в планировке и композиции мечети. Постановка четырех минаретов на углах зала произошла только в эдирнской Селимие-джами (1569–1575), когда тип полностью сформировался, но такая композиция не получила развития [15, 261–270].

В стамбульской Султанахмет-джами («Голубой мечети», 1609–1616), ставшей образцом для целого ряда современных зданий, развивающих тип «БОМ», одной из новаций архитектурного оформления оказалось стирание логической границы между залом и двором, в предшествующих памятниках четко фиксированной принадлежностью фасадного портика

основному объему мечети. В начале XVII в. османские зодчие направили усилия на визуальное воссоединение двух частей организованного культового пространства, некогда разделенных именно в анатолийских мечетях.

Зонирование: от соподчиненности к разделению функций

К началу XIX в. тип «БОМ» практически исчез из архитектурной практики; огромные ритуальные комплексы в монаршем патронате были вытеснены «павильонными мечетями» весьма ограниченной вместимости, лишенными двора [13, 190–205]. Поиски «национального стиля», которыми османская архитектура по европейскому примеру увлеченно занялась во второй половине XIX в., также ограничивались «малыми формами», не нуждавшимися в расширении молитвенного пространства.

Однако в процессе возрождения мусульманской культовой архитектуры в Турецкой Республике, в значительной степени подчиненном задачам пропаганды государственной идеи и национального брендинга, тип «БОМ» вновь оказался востребован [5, 98–101; 8, 382–387]. Этому типу соответствуют все крупнейшие мечети Турции второй пол. XX — начала XXI в., возведенные от имени государства, — Коджатепе в Анкаре (1967–1987), Сабанджи в Адане (1998–1999), Бюйюк Чамлыджа в Стамбуле (2013–2019), а также культовые здания, в той или иной степени воспроизводящие стамбульскую «Голубую мечеть» (Азади в Ашхабаде, «Сердце Чечни» в Грозном, Буюкджами в Симферополе) [11, 152–154, 189–193, 320] (Иллюстрация 9). В рамках типа «БОМ» современные архитекторы ищут возможности преодолеть изолированность дво-

Иллюстрация 9. Мечеть «Сердце Чечни», Грозный.
Источник: <https://ria.ru>

Иллюстрация 10. «Исчезающая мечеть», Дубай.
Источник: <https://www.dezeen.com>

ра, связать его с окружающей территорией, дополняя открытыми площадками для молитвы или превращая стену в проницаемую галерею. При этом выделенный двор остается важнейшей типологической характеристикой и сохраняет место равноправной части композиции культового сооружения.

Необходимо обратить внимание на тенденцию современной исламской культовой архитектуры: многие здания мечетей, особенно возводящиеся в местах, не входивших в традиционный «мир ислама», не рассчитаны на вмещение сколь-либо значительного количества молящихся. Архитектурные объемы залов насыщаются религиозной и национальной символикой, наполняются идеологическими и риторическими послылками, но зачастую перестают служить пространством, предназначенным для коллективного ритуала, — предполагается, что молитва (пятничная и праздничная) совершается вне зала, на прилегающей территории. Как развитие этой тенденции должна рассматриваться знаменитая Исчезающая мечеть (проект Р. Гринберга), в которую на время молитвы превращается городская площадь Дубая [12, 79–81] (Иллюстрация 10).

Можно говорить о том, что в исламской архитектуре начала XXI в. происходит возвращение к «мечети-пространству», лишенному архитектурного оформления: «открытая зона» (*сахн*) полностью вытесняет «закрытую» (*зулла*), воспроизводя условия совершения ритуала в раннеисламских «нарисованных мечетях» и *намазго*, не предполагавшие выделения и ограничения места молитвы. Архитектурному объему с крайне ограниченным пространством зала придается роль знака — обозначения культовой принадлежности здания и отражения риторических ценностей, в то время как на открытое пространство, дополняющее, окружающее или даже полностью вытесняющее зал, возлагается функция места для совершения ритуала [7, 80–92].

Заключение

Справедливо говорить о том, что в архитектуре мечетей двор не может рассматриваться лишь как функциональное дополнение. Он является равноправной частью молитвенного пространства и одним из важнейших факторов формирования планировки и композиции ритуальных сооружений.

Архитектурный тип арабской дворовой мечети (единственный существовавший в мусульманском зодчестве на протяжении нескольких столетий ранней истории ислама) стал основой для формирования традиционно выделяемых региональных типов мусульманских культовых зданий («иранская» и «турецкая» мечеть). Нетрудно заметить, что особенности этих типов предо-

пределяются не столько географической локализацией моделей мечети, сколько их архитектурной композицией, а именно — соположением пространственных зон зала и двора. Именно наличие *сахна*, его «доля» и расположение в планировке здания, особенности его оформления *реваком* и акцентирование минаретами во многом обуславливают принадлежность не только к крупным («региональным», «цивилизационным») типам мечети, но, очевидно, и к более мелким «таксонам» архитектурной классификации («БОМ», османские «чиновничьи» мечети, «павильонные» мечети и т.д.).

В литературе, посвященной архитектуре мечети, уже оговаривалась вариативность типологических критериев — конструктивных, количественных, социальных и т.д. [11, 393–400]. Возможно, для конкретных задач актуальной окажется аргументированная разработка типологии, основанной на взаиморасположении основных пространственно-композиционных элементов зданий мечети, и для исследований архитектуры мусульманских культовых сооружений использование такой типологии может оказаться более удобным и оправданным, нежели обращение к привычной региональной локализации.

Список использованной литературы

- 1 Грабар О. Формирование исламского искусства. — М.: Садра, 2016. — 446 с.
- 2 Ибрагимов И. А. К вопросу о визуальной динамичной направленности архитектуры мечети на Мекку // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. — 2013. — № 7. — С. 130–136.
- 3 Кононенко Е. И. Анатолийская мечеть XI–XV вв. Очерки истории архитектуры. — М.: Прогресс-Традиция, 2017. — 422 с.
- 4 Кононенко Е. И. Архитектура мечети как объект интерпретации // Вестн. СПбГУ. Сер. 15, Искусствознание. — 2018. — Т. 8. — № 1. — С. 113–130.
- 5 Кононенко Е. И. «Большая османская мечеть» // Культура Востока. Вып. 3: «Визитные карточки» восточных культур. — М.: ГИИ, 2018. — С. 92–117.
- 6 Кононенко Е. И. Квадрифолий в планировке османских мечетей // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2019. — № 1. — С. 56–62.
- 7 Кононенко Е. И. Пространство мечети: «временная ритуализация» // Культура Востока. Вып. 4. Границы сакральных пространств. — М.: ГИИ, 2019. — С. 72–97.
- 8 Кононенко Е. И. Турецкая мечеть: образ и бренд // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2017. — № 1. — С. 379–390.
- 9 Стародуб Т. Х. Мечеть. Термин и архитектурный тип // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13, Востоковедение. — 2006. — № 4. — С. 54–73.

- 10 Хмельницкий С.Г. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI — начала XIII вв. Ч. 1. — Берлин; Рига: Gamajun, 1996. — 334 с.
- 11 Червонная С.М. Современная мечеть. Отечественный и мировой опыт Новейшего времени. — Торунь: Польск. ин-т исследований мирового искусства; Тако, 2016. — 478 с.
- 12 Шукуров Ш.М. Архитектура современной мечети. Истоки. — М.: Прогресс-Традиция, 2014. — 232 с.
- 13 Crane H. The Ottoman Sultan's Mosques: Icons of Imperial Legitimacy // The Ottoman City and Its Parts: Urban Structure and Social Order. — New Rochelle; New York: Aristide D. Caratzas Publ., 1991. — P. 173–243.
- 14 Creswell K.A.C. A Short Account of Early Muslim Architecture. — Cairo: The American University in Cairo Press, 1989 [1958]. — 330 p.
- 15 Goodwin G. A History of Ottoman Architecture. — London: Thames & Hudson, 2003 [1971]. — 511 p.
- 16 Hillenbrand R. Studies in Medieval Islamic Architecture. Vol. 2. — London: Pindar Press, 2006. — 556 p.
- 17 Kuran A. The Mosque in Early Ottoman architecture. — Chicago: University of Chicago Press, 1968. — 233 p.
- 18 Stierlin H. Turkey from the Selcuks to the Ottomans. — London; New York; Tokyo, 1998. — 237 p.
- 19 Wolper E.S. Cities and Saints. Sufism and the Transformation of Urban Space in Medieval Anatolia. — Philadelphia: Penn State University Press, 2003. — 152 p.

Статья поступила в редакцию в июне 2020 г.
Опубликована в сентябре 2020 г.

Evgeny Kononenko

PhD (History of Art), the Head of Department of Asian and African Art State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation
e-mail: j_kononenko@inbox.ru

References

- 1 Grabar O. Formirovanie islamskogo iskusstva. — M.: Sadra, 2016. — 446 с.
- 2 Ibragimov I.A. K voprosu o vizual'noj dinamichnoj napravlenosti arhitektury mecheti na Mekku // Vestn. Orenburg. gos. un-ta. — 2013. — № 7. — S. 130–136.
- 3 Kononenko E.I. Anatolijskaya mechet' XI–XV vv. Ocherki istorii arhitektury. — M.: Progress-Tradiciya, 2017. — 422 с.
- 4 Kononenko E.I. Arhitektura mecheti kak ob'ekt interpretacii // Vestn. SPbGU. Ser. 15, Iskuststvovedenie. — 2018. — T. 8. — № 1. — S. 113–130.
- 5 Kononenko E.I. «Bol'shaya osmanskaya mechet'» // Kul'tura Vostoka. Vyp. 3: «Vizitnye kartochki» vostochnyh kul'tur. — M.: GIL, 2018. — S. 92–117.
- 6 Kononenko E.I. Kvadrifolij v planirovke osmanskih mechetej // Akademicheskij vestnik UralNIIproekt RAASN. — 2019. — № 1. — S. 56–62.
- 7 Kononenko E.I. Prostranstvo mecheti: «vremennaya ritualizaciya» // Kul'tura Vostoka. Vyp. 4. Granicy sakral'nyh prostranstv. — M.: GIL, 2019. — S. 72–97.
- 8 Kononenko E.I. Tureckaya mechet': obraz i brend // Problemy istorii, filologii, kul'tury. — 2017. — № 1. — S. 379–390.
- 9 Starodub T.H. Mechet'. Termin i arhitekturnyj tip // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 13, Vostokovedenie. — 2006. — № 4. — S. 54–73.
- 10 Hmel'nickij S.G. Mezhdru Samanidami i mongolami. Arhitektura Srednej Azii XI — nachala XIII vv. CH. 1. — Berlin; Riga: Gamajun, 1996. — 334 с.
- 11 Chervonnaya S.M. Sovremennaya mechet'. Otechestvennyj i mirovoj opyt Novejshego vremeni. — Torun': Pol'sk. in-t issledovanij mirovogo iskusstva; Tako, 2016. — 478 s.
- 12 Shukurov Sh.M. Arhitektura sovremennoj mecheti. Istoki. — M.: Progress-Tradiciya, 2014. — 232 s.
- 13 Crane H. The Ottoman Sultan's Mosques: Icons of Imperial Legitimacy // The Ottoman City and Its Parts: Urban Structure and Social Order. — New Rochelle; New York: Aristide D. Caratzas Publ., 1991. — P. 173–243.